НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт экономики и менеджмента

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ (ИТЭ-ЧС 2021)

**Материалы
VII Международной научной конференции**

Томск, 21–23 октября 2021 г.

Ответственный редактор М.В. Чиков

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

SAFe является объемным инструментом и имеет 3 уровня [3]:

1. Essential. Он является отправной точкой для внедрения SAFe. Непрерывный процесс разработки и развития бизнес-решений здесь происходит посредством Agile Release Train (ART), т.е. команд, состоящих из Agile команд.

2. Large Solution. Здесь создаются крупномасштабные решения, разработка которых выходит за рамки одного ART. Это требует дополнительной координации усилий множества ART и поставщиков по доставке самых крупных и сложных систем в мире.

3. Portfolio. С помощью механизмов управления и бюджетирования портфель организует экономичное и гибкое предприятие вокруг потока создания ценности, гарантируя направление инвестиций на создание правильных вещей в соответствии со стратегией.

Уровни обладают особым набором ролей, событий и артефактов и по-разному компонуются в различных конфигурациях. Каждый из них должен быть обеспечен целями, согласованными со стратегией компании и текущими приоритетами, что является благоприятной почвой для применения OKR.

Таким образом, совместное применение OKR и SAFe является взаимовыгодным и помогает компании выстроить эффективную систему постановки и достижения целей в условиях большого количества сотрудников и проектов.

Литература

1. Нетипичное исследование про OKR // TYPICAL. [М. ; Амстердам?]: TYPICAL [распр.], 2020. URL: <https://typicalokr.co/>, свободный.
2. 2020 OKR Annual Report // There Be Giants. In Manchester: There Be Giants [distr.], 2020. URL: https://f.hubspotusercontent20.net/hubfs/3820722/TBG%202020%20OKR%20Annual%20Report_FinalV2.pdf?utm_campaign=OKRs&utm_medium=email&_hsmi=107181840&_hsenc=p2ANqtz-9Gm9GIMIMTiVOMLVVonwPqoMrecZrMgQY8TNskTXundKHVK34D5WJbjXomzdn5opHDE6VdD9DqzeUP_L6hgDf9YbDfzLFp2LCZ7ynIp_lw5yWCYM_k&utm_content=107181840&utm_source=hs_automation, для зарег. пользователей.
3. Scaled Agile Framework : official website // Scaled Agile. Boulder : Scaled Agile [distr.], 2021. URL: <https://www.scaledagileframework.com/>, свободный.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-111

Е.А. Радионова

Кузбасский государственный технический университет

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: государственная состоятельность, оценка государственной деятельности, комплексный индикатор, подходы к оценке государственной состоятельности

Государственная состоятельность (state capacity) является категорией, изучение которой позволяет оценить результаты государственной деятельности. В общих чертах она сводится к способности государства реализовывать свои цели в соответствии с национальными интересами. Более детальная концептуализация зависит от предметной области, в рамках которой рассматривается понятие [10, с. 3–4].

В процессе операционализации и измерения государственной состоятельности исследователи сталкиваются с методологическими трудностями, которые связаны [10, с. 8–23]:

- с латентным характером понятия, определяющим необходимость косвенной оценки;
- с важностью обоснования категории в качестве универсальной или дифференцированной характеристики;
- с необходимостью выделения ключевых сфер реализации государственных функций;

- с определением оптимального набора индикаторов, минимизирующего риски редуцирования понятия или создания информационного шума.

Методики, применяемые для оценки различных аспектов государственной состоятельности, по-разному решают озвученные проблемы. К числу широко используемых можно отнести комплексные индексы международных организаций (индексы Worldwide Governance Indicators [14], The Global Competitiveness Index [12]), а также тематические показатели, отражающие определенную сферу реализации государственных полномочий (индекс Doing Business [7], Corruption Perceptions Index [13], The European Quality of Government Index [11] и др.). Существуют авторские подходы к оценке [1, 6, 8], нормативно закреплённые ориентиры повышения качества государственного управления [4] и оценки рейтинговых агентств.

Каждая методика имеет достоинства, недостатки и обусловленные ими особенности применения. Ключевые различия связаны с источником первичной информации (статистические данные, результаты исследования удовлетворенности населения, экспертные оценки, законодательные нормы), широтой территориального и временного охватов, возможностью статического и динамического наблюдения, уровнем детализации.

На основе изучения перечисленных методик и с опорой на методологию построения комплексных индикаторов [9] был разработан авторский подход к оценке государственной состоятельности. В его основе лежит составной показатель, структурированный по четырем блокам, отражающим ключевые сферы реализации государственных функций (экономическую, политическую, социальную и идеологическую). Блоки представлены набором показателей, выбор которых обоснован современными научными тенденциями (приоритет человеческой личности [2], изменение содержания категории «благосостояние» [3], отказ от старой парадигмы «государство vs рынок» [5]).

Апробация предложенного подхода реализована на примере выборки из 19 стран. Результаты расчетов за 2018 год представлены в таблице в совокупности с данными по двум другим методикам. Графическое сопоставление полученных результатов отражено на рис. 1.

Оценка государственной состоятельности, 2018 г.

Страна	Комплексный индекс государственной состоятельности (КИГС) ¹	Government Effectiveness – подиндекс WGI (GE) ²	The Global Competitiveness Index (GCI) ³
Бельгия	59,95	83,7	76,6
Великобритания	56,25	88,0	82,0
Венгрия	41,34	70,2	64,3
Германия	63,60	93,3	82,8
Дания	72,05	97,1	80,6
Израиль	56,19	86,1	76,6
Ирландия	57,15	89,9	76,7

¹ Источник: рассчитано автором по данным: The European Social Survey (ESS). URL: <https://www.european-socialsurvey.org/data/> (accessed: 29.03.2021); Российское социальное исследование по программе Европейского Социального Исследования. URL: <http://www.ess-ru.ru/> (дата обращения: 29.03.2021); Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 29.03.2021); European Quality of Life Surveys. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-quality-of-life-surveys> (дата обращения: 26.04.2021); Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/> (accessed: 29.03.2021); World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/> (accessed: 29.03.2021).

² Источник: Worldwide Governance Indicators. DataBank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators> (accessed: 11.08.2021).

³ Источник: The Global Competitiveness Report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2018> (accessed: 11.08.2021).

Страна	Комплексный индекс государственной состоятельности (КИГС) ¹	Government Effectiveness – подиндекс WGI (GE) ²	The Global Competitiveness Index (GCI) ³
Испания	47,98	79,3	74,2
Нидерланды	70,23	96,6	82,4
Норвегия	74,52	97,6	78,2
Польша	46,11	75,0	68,2
Португалия	45,85	86,5	70,2
Россия	37,55	51,0	65,6
Словакия	40,42	75,5	66,8
Словения	45,61	83,2	69,6
Финляндия	74,25	99,0	80,3
Чехия	50,45	78,4	71,2
Швейцария	74,19	99,5	82,6
Швеция	67,11	96,2	81,7
Эстония	53,82	84,6	70,8

Рис. 1. Оценка государственной состоятельности, 2018 г.

Перспективность предложенного метода обусловлена возможностью проведения исследований по расширенной номенклатуре стран с длительным периодом наблюдения. Прикладная значимость разработанного индекса обеспечивается его составным характером, позволяющим проводить анализ на нескольких уровнях.

Литература

1. Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8–23.
2. Банерджи А., Дюфло Э. Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности / пер. с англ. М. Маркова и А. Лашева; под науч. ред. Д. Раскова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2021. 624 с.
3. Мау В.А. Экономика и политики 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5–27.
4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 05.08.2021).

5. Block F., Evans E. The State and the Economy // The handbook of economic sociology / eds by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton University Press, 2005. 736 p.
6. Charron N. Diverging cohesion? Globalisation, state capacity and regional inequalities within and across European countries // European Urban and Regional Studies. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0969776413512844> (accessed: 09.08.2021).
7. Doing Business. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/doingbusiness> (accessed: 05.08.2021).
8. Hanson J.K. Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. URL: http://www-personal.umich.edu/~jkhanson/resources/hanson_sigman13.pdf (accessed: 07.08.2021).
9. Organisation for Economic Co-operation and Development. Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and user guide. URL: <https://www.oecd.org/sdd/42495745.pdf> (accessed: 29.03.2021).
10. Ottervik M. Conceptualizing and Measuring State Capacity: Testing the Validity of Tax Compliance as a Measure of State Capacity. URL: https://www.gu.se/sites/default/files/2020-05/2013_20_Ottervik.pdf (accessed: 08.08.2021).
11. The QoG Institute, University of Gothenburg. URL: <https://www.gu.se/en/quality-government> (accessed: 07.08.2021).
12. The World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/> (accessed: 05.08.2021).
13. Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en/> (accessed: 05.08.2021).
14. Worldwide Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Documents> (accessed: 05.08.2021).

УДК 338.9

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-112

Е.М. Рождественская

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В СТАРШЕМ ВОЗРАСТЕ

Ключевые слова: активное долголетие, практики потребления, ресурсный потенциал, экономика старения, институциональная экономика, благополучие, социальные институты

Введение. Старение населения оказывает влияние на социально-экономическое, культурное, демографическое развитие. Выявлено, что существует вытесняющий эффект потребления в связи с расходами на поддержку пожилых людей [1, 2]. Согласно данным Всемирного банка население стареет темпами по 3% в год [3], что затрагивает все экономики мира, включая Россию. Изменения в возрастной структуре происходят из-за сокращения рождаемости и смертности, что приводит к «старению» и повышению нагрузки на пенсионную систему [4]. С одной стороны, увеличение продолжительности жизни дает мощный импульс экономическому развитию за счет прироста трудового потенциала, или так называемые «демографические дивиденды» [5]. С другой стороны, меняется образ жизни и потребительское поведение, появляются новые потребности и вызовы для экономической системы в целом, повышается нагрузка на социальные институты, что приводит к стагнации и неравенству. В старшем возрасте трудовые доходы ниже потребности в особых товарах и услугах, часть этой социальной нагрузки покрывается за счет государства, но часть ложится на плечи молодого поколения, снижая общую потребительскую силу домохозяйства. Практики потребления представляют собой набор рутинизированных действий в целях удовлетворения потребностей [6]. В данной работе *целью* является определить потребительские паттерны поведения [7] в старшем возрасте в зависимости от ценностных установок и имеющихся финансовых ресурсов на основе анализа субъективных оценок респондентов в возрасте 55+ по результатам опроса, проведенного в Томской области.

Методы исследования. Эмпирической базой исследования являются результаты опроса, проведенного Международной научно-образовательной лабораторией технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского политехнического университета [8] в марте-